

ФИЛОСОФИЯ КУЛЬТУРЫ

М. Н. Громов

ВРЕМЯ И ЕГО ВОСПРИЯТИЕ В ДРЕВНЕЙ РУСИ¹

Многоаспектность времени, его восприятия и отражения нельзя свести к оценке одного только как философской или сциентистской категории. Лишь на материале всей культуры, в единстве вербального и невербального контекстов на основе углубленного семиотического анализа и интеграционного синтеза источников разного типа можно приблизиться к уяснению важнейшего бытийственного понятия и всеохватывающего экзистенциала.

Не случайно проблема времени является одной из ключевых в мировоззрении, философии и культуре. Пристальный интерес к ней в последние годы позволяет говорить о возможности создания междисциплинарной науки, для которой предложены названия «хронометрия» (Ж. Синге) или «темпология» (В. Вуазе)². Дж. Фрэйзер предлагает в своих исследованиях называть данную науку «хронософией»³. Она должна рассматривать все модальности времени: природную, социальную, осознаваемую культурой и переживаемую личностью⁴. Добавляются также морально-этический⁵ и художественно-эстетический⁶ аспекты проблемы.

Предлагаемая работа посвящена анализу философской, сакральной, общекультурной и художественно-эстетической значимости категории времени на материале древнерусской культуры. Она носит предварительный, постановочный характер, содержащиеся в ней выводы не являются бесспорными и однозначными. Главная цель, которую преследовал автор, состоит в том, чтобы привлечь внимание специалистов и читателей к тому богатейшему материалу по проблеме времени, который дает нам отечественная культура эпохи Средневековья и который подчас не учитывается в современных исследованиях. Думается, что без глубокого, ретроспективного историко-культурного подхода затруднительно осмыслить все философские и научные проблемы, в том числе извечную проблему времени.

Анализу данного вопроса применительно к европейской средневековой культуре посвящено немало исследований⁷. В свое время в Париже состоялся международный коллоквиум, на котором

¹ Работа выполнена при поддержке РГНФ (грант № 08–03–00238а).

² Трубников Н. Н. *Время человеческого бытия*. М., 1987.

³ Fraser J. T. *The Genesis and Evolution of Time*. Brighton, 1982.

⁴ Поликарпов В. С. *Время и культура*. Харьков, 1987. С. 128–141.

⁵ Бачинин В. А. О нравственном содержании категории времени // *Философские науки*. 1985. № 6.

⁶ Ритм, пространство и время в литературе и искусстве. Л., 1974; Шагинян М. *Человек и время*. М., 1980; Категория времени в художественной литературе. М., 1987.

⁷ Bilfinger G. *Die mittelalterlichen Horen und die modernen Stunden* // *Ein Beitrag zur Kulturgeschichte*. Stuttgart, 1982; Cipolla C. M. *Clock and Culture. 1300–1700*. London, 1967; Patch H. R. *The Goddess Fortuna in Medieval Literature*. 2nd ed. New York, 1967;

обсуждались различные аспекты понятий времени и вечности в христианской религиозной, философской и художественной литературе III—XIII в.⁸ Из российских специалистов наиболее серьезные исследования принадлежат А. Я. Гуревичу⁹, имеются иные публикации¹⁰. Из работ по русскому Средневековью следует выделить труды Д. С. Лихачева, особенно главу «Поэтика художественного времени» в его обобщающей книге по поэтике древнерусской литературы¹¹, а также ряд публикаций других авторов¹².

Но никакие, даже самые авторитетные, исследования специалистов разного профиля не могут заменить непосредственного изучения подлинных свидетельств древнерусской культуры, живого с ними общения. Памятники письменности, особенно рукописи, а также невербальные источники — творения архитектуры и искусства — являются в этом процессе документами первостепенной важности, поэтому им и будет уделено основное внимание.

Начнем с анализа категории времени по материалам вербальных источников, по тому, как отразилось это понятие в языке. Данные исторической лингвистики таковы. По И. И. Срезневскому, старославянская лексема «время» (древнерусский аналог «веремья», греческие — χρόνος, χαῖρός) имеет 7 значений¹³. В «Словаре русского языка XI—XVII вв.» отмечается 8 значений термина¹⁴, в «Словаре древнерусского языка» примерно столько же¹⁵; в них приводятся также дополнительные идиоматические выражения, отражающие полисемию понятия «время» в контекстах разнообразного содержания.

Суммируя данные трех словарей, в которых различные объяснения лексемы «время» не всегда совпадают, имеем в обобщенном и несколько схематизированном виде следующие смысловые значения. Время понималось как: 1) единица календарного счета («Врѣмѣ рекъше часъ, днь, и мѣсѣцъ, и лѣто», — Изборник 1073 г.); 2) определенный отрезок длительности процесса («врѣмѣ оно», «врѣмѣ нарочито», «едино врѣмѣ», — Остромирово Евангелие, Слово Григория Назианзина); 3) онтологическая категория («...пррч(с)тва почитаеши, бытъю время вѣдаеши», — Палея Толковая 1406 г.); 4) период, эпоха («Бысть в врѣмена Костантина Великааго ц(с)аря мѣтежь въ Фрюгии», — Златоструй XII в.); 5) указанный срок («Приспѣ время положите главы своя за тя», — Московский летописный свод кон. XV в.); 6) благоприятная

Sorabji R. Time, Creation and the Continuum: Theories in Antiquity and the Early Middle Ages. London, 1983; Levinas E. Gott, der Tod und die Zeit. Wien, 1996.

⁸ Le temps chretien de la fin de l'Antiquite au Moyen age III-e — XIII-e siecles. Paris, 1984.

⁹ Гуревич А. Я. Время как проблема истории культуры // Вопросы философии. 1969. № 3. С. 105—116; Гуревич А. Я. Категории средневековой культуры. М., 1972.

¹⁰ Уколова В. И. Вечность и время в философии Боэция // Античная культура и современная наука. М., 1985; Добиаш-Рождественская О. А. К вопросу о часах в раннем средневековье // Добиаш-Рождественская О. А. Oppletum oppidum est solatiis. Культура западноевропейского средневековья. М., 1987; Гайденок П. П. Время в античной и средневековой философии // Историко-философский ежегодник. М., 2000.

¹¹ Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы. 3-е изд. М., 1979. С. 209—334.

¹² Веселовский А. Н. Эпические повторения как хронологический момент // Веселовский А. Н. Историческая поэтика. Л., 1940; Черепнин Л. В. Русская хронология. М., 1944; Бережков Н. Г. Хронология русского летописания. М., 1963; Львов А. С. Выражение понятия времени в «Повести временных лет» // Русская историческая лексикология. М., 1968; Матхаузерова С. Функция времени в древнерусских жанрах // ТОДРЛ. Л., 1972. Т. XXVII. С. 227—235; Неклюдов С. Ю. Заметки об эпической временной системе // Труды по знаковым системам. VI (Уч. зап. Тартуского гос. ун-та. № 308), Тарту, 1973. С. 151—165.; Демин А. С. Представления о переменчивости жизни в русской литературе XVII века // ТОДРЛ. Л., 1976. Т. XXX. С. 149—164; Панченко А. М. История и вечность в системе культурных ценностей русского барокко // ТОДРЛ. Л., 1979. Т. XXXIV. С. 189—199; Цапов Я. Н. Календарь в псковских рукописях XV—XVI вв. // ТОДРЛ. Л., 1983. Т. XXXVII. С. 157—183; Мурьянов М. Ф. Хронометрия Киевской Руси // Мурьянов М. Ф. История книжной культуры России. Очерки: В 2 ч. СПб., 2001. Ч. 1. С. 135—152; Симонов Р. А. Математическая и календарно-астрономическая мысль Древней Руси. М., 2007.

¹³ Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. СПб., 1893. Т. I. Стб. 319—321.

¹⁴ Словарь русского языка XI—XVII вв. М., 1976. Вып. 3. С. 108—109.

¹⁵ Словарь древнерусского языка (XI—XIV вв.). М., 1988. Т. I. С. 493—497.

пора, подходящий момент («Царь Калуянъ болгарский и загорский время обрѣтъ многи грады греческиа разруши», — Никоновская летопись); 7) неопределенный промежуток длительности («Ни кое же время или образъ се(г) не исторгне(т) ѿ твоего ср(д)ца», — Сборник житий и слов XIV—XV в.); 8) возраст человека («П(ок)ланяи главу свою (въ)сякому старѣишему тебе и врѣменьмъ и разу(мъ)мъ», — Изборник 1076 г.); 9) погода («Нынѣ весною время учинилось велии многоснѣжное», — запись 1698 г.); 10) грамматическая форма («Глѣт же ся времена дѣйствена сице: предѣбывшее протяженое — биахъ, неопредѣльное же — бихъ, двѣ же прочии языку неприатнѣ; настоящего же — биа, в малѣ бывающаго — бити хошу; будущаго же — бита имамъ», — Великие Минеи Четии XVI в.). Полисемантизм термина «время» отразил его укорененность и разнообразное использование в языке.

Время в сознании средневекового человека воспринималось не как абстрактная категория отвлеченного мышления или «нейтральная координата»¹⁶; оно эмоционально переживалось, экспрессивно выражалось, имело сакральную, моральную, эстетическую значимость. Можно привести немало примеров различных идиоматических выражений, где проступает неисчерпаемое разнообразие семантических оттенков этого ключевого понятия, из корня которого выросло целое древо слов, образов, представлений.

«И въ едино время всѧ землѧ наша въслави Хѧ», — восклицает Иларион в «Слове о Законе и Благодати», раскрывая величие и торжественность момента крещения Руси¹⁷. Апокалиптическое предчувствие грядущих испытаний проступает в словах Кирилла Туровского: «В послѣдняя времена отступятъ нѣщїи отъ вѣры Христовы»¹⁸. Время может быть «благо», «радостно», «празднично», но и «печально», «тяготно», как пора «скорби» и «плача», бывает безвременье — «без времени» и, наконец, грядет «скончание времен» — конец света, переход всей гаммы локальных времен в единое состояние беспредельной вечности.

Морально акцентированный психологизм, близкий к философской антропологии, присутствует во многих речевых оборотах и высказываниях: «Поблуди отрока до времени въ тайнѣ»; «(Ч)лвкъ мудръ умлѣтитъ до врѣмене: и умножая словеса мързѣкъ будетъ»; «Очима вредъ пища творить, тако и старость безъ врѣмене приводить»; «Да не посѣчетъ мене безъ време смертною сѣкирою»; «Всегда бо время доброму дѣлу»¹⁹.

Великолепно переданы все модусы человеческого существования через функцию времени в Екклесиасте, одной из наиболее философичных книг Библии (III: 1—8):

«Всему свое время, и время всякой вещи под небом.

Время рождаться, и время умирать; время насаждать и время вырывать посаженное.

Время убивать и время врачевать; время разрушать и время строить.

Время плакать и время смеяться; время сетовать и время плясать.

Время разбрасывать камни и время собирать камни; время обнимать и время уклоняться от объятий.

Время искать и время терять; время сберегать и время бросать.

Время раздирать и время сшивать; время молчать и время говорить.

Время любить и время ненавидеть; время войне и время миру».

Многообразие времени было привязано к человеческой истории, социально упорядочено и иерархически организовано. «Так, например, в отличие от наших представлений о времени, располагающих будущее впереди нас, а прошлое — позади, средневековые русские представления о времени называли прошлые события «передними» и располагали время не эгоцентрически

¹⁶ Гуревич А. Я. Время как проблема истории культуры // Вопросы философии. 1969. № 3. С. 107.

¹⁷ Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. I. Стб. 319.

¹⁸ Там же. Стб. 320.

¹⁹ Словарь русского языка XI—XVII вв. Вып. 3. С. 108—109.

(относительно нас), а в едином, каждый раз своим рядом — от их начала до настоящего, «последнего» времени»²⁰. Вместо тенденциозного подчеркивания сверхважности сегодняшнего дня каждая историческая эпоха воспринималась одной из ступеней длительного пути народа и человечества. Особенно высоко ценились «первые», или «передние», времена, когда был сотворен человек, сложился род людской, возник определенный этнос, созидались его государственность и культура — это был фундамент, основа, прообраз будущего развития.

Глубокое уважение к прошлому, стремление познать первоисточки, освятить седую древность весьма характерны для средневекового сознания. Это не только помогало сохранять стабильность социума, но позволяло лучше оценивать настоящее и более трезво глядеть в будущее. Как писалось в древнерусской «Пчеле» (переведенном с греческого сборнике афористически выраженных мыслей ΜΕΛΙΣΣΑ) от имени Сократа: «Егда думаеши, помысли о прежде бывших и приложи она к нынешним, тем бо не явленным, явленная скоро разумеются»²¹.

Символическим прообразом жизни каждого человека, каждого народа и всего человечества было сотворение, райское житие, грехопадение, покаяние и искупление Адама. Воспоминание об Эдеме постоянно присутствовало в отношении человека к бытию и к самому себе²². Кроме Библии, где в Книге Бытия довольно кратко повествуется об Адаме и Еве, существовало много апокрифов, в которых истолковывались, придумывались, разнообразно варьировались подробности существования первых людей, а их судьба «старательно изображалась как прообразование будущей судьбы человечества»²³.

Так, в апокрифическом «Сказании, како сотвори Бог Адама» по рукописи сер. XVII в. акт сотворения первого человека описывается как явление космического порядка: «Создати в земли Мадямстей человека, взем земли горсть ото осми частей: 1) от земли — тело, 2) от камня — кости, 3) от моря — кровь, 4) от солнца — очи, 5) от облака — мысли, 6) от света — свет, 7) от ветра — дыхание, 8) от огня — теплота». Имя его составляется от всех частей света: «И посла Господь аггела своего, повеле взяти “аз” на востоце, “добро” на западе, “мыслете” на севере и на юзе». И поставлен Адам был выше всех: «И рече Господь Адаму, глаголя: “Тебе работает солнце и луна, и звезды, и птицы небесныя, и рыбы морския, и птицы, и скоты, и гади”»²⁴.

Далее устанавливается смысловая связка краткого бытия Адама в раю с жизнью каждого человека и историей всего человечества: «И бысть Адам в раи 7 дний, прообразуя Господь Бог житие человеческое: десять лет исполнится — рождение, 20 лет — юноша, 30 лет — свершение, 40 лет — средовечие, 50 лет — седина, 60 лет — старость, 70 лет — скончание... а та 7 дней против седми тысящ лет»²⁵.

Разумеется, семь дней пребывания Адама в раю, равно как шесть дней творения и седьмой — отдохновения, не следует понимать в современном буквально-эмпирическом смысле, это были своеобразные временные парадигмы, символические образы, имеющие сакральный подтекст. В том же апокрифе, в конце его, говорится, что пребыл Адам в раю не 7 дней, а 6 часов. Это, казалось бы, очевидное противоречие снимается тем, что райское бытие Адама прообразовало не только жизнь людскую, но и земное существование Христа, «нового Адама». Здесь проступает иной, символический, литургический ряд, нежели в исчислении дней²⁶.

²⁰ Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы. С. 215.

²¹ Семенов В. Древняя русская Пчела по пергаменному списку. СПб., 1893. С. 20.

²² Nothomb P. Le memoire de l'Edem. Paris; Bruxelles, 1987.

²³ Пыпин А. Н. История русской литературы. Т. I. Древняя письменность. 4-е изд. СПб., 1911. С. 426. Более подробно см.: Мильков В. В. Древнерусские апокрифы. СПб., 1999.

²⁴ Рукопись сер. XVII в. РГБ. Рум. (Ф. 256). № 370. Л. 155–156.

²⁵ Там же. Л. 160–161.

²⁶ Громов М. Н. К истолкованию апокрифа о сотворении Адама // ТОДРЛ. Л., 1989. Т. XLII. С. 255–261.

По часам дневным (они считались от восхода до захода солнца) Адам в 3-й час заповедь принял от Бога, в 9-й час он вкусил вслед за Евой запретный плод — «заповедь преступил». И Христос повторяет этот цикл. По богослужебному канону служба часов отмечает на 3-м часе воспоминание послания Святого Духа на апостолов, на 6-м — пригвождение Иисуса к кресту, на 9-м — крестную смерть Христа.

Следует вместе с тем заметить, что, в отличие от канонической, апробированной и унифицированной литературы, в массе апокрифических источников проступает различное истолкование времени, дней, часов, периодов жизни человека и всего рода людского. Запечатлев ищущую мысль своего времени, они отразили самые различные идейные течения ветхозаветного и новозаветного периодов, в них много несоответствий, противоречий, разночтений.

Например, в одном из Азбуковников (энциклопедическом словаре, где истолковывались различные термины преимущественно переводного происхождения, прежде всего *onomastica sacra*) приводится иная схема возрастов человека²⁷. В большой круг, символизирующий всю жизнь человеческую, вписаны семь равных по величине кругов меньшего диаметра, один — в центре, шесть — симметрично по внутренней стороне окружности. Возрасты перечислены таким образом: 1) младенец (до семи лет, «егда бывает зубом испадение»), 2) отрок (до 14 лет), 3) «детище» (до 21 года), 4) юноша (до 28 лет), 5) муж (до 35 лет), 6) «средовец» (до 49 лет), 7) «старец» (до 56 лет).

Это настойчивое стремление свести к «седмерице» не только возрасты, но и число лет в каждом из них связано с уходящей в глубокую древность и имеющейся у многих народов традицией особого выделения, почитания и сакрализации числа семь. Есть различные объяснения данному феномену, наиболее убедительно привязывание его к счету времени по лунному календарю (4 недели по 7 дней дают месяц в 28 дней).

Что касается апокрифического текста из цитированного Азбуковника, то он повторяет одну из версий древнегреческой мысли доэллинистического периода, содержащуюся в сочинении «Περὶ ἑβδόμητον» («О семерице»), которое приписывалось Гиппократу: «В человеческой природе есть семь времен, которые мы называем возрастами: младенец, отрок, юноша, молодой человек, мужчина, пожилой муж, старец»²⁸. Солону там же приписывают установление 7 возрастов по 10 лет в каждом.

Искусственное разделение времен года, отмечаемое в этом же источнике, на 7 периодов не получило распространения на Руси. Отчетливо выраженная смена сезонов представлялась с незапамятной поры следующими яркими олицетворениями по списку другого Азбуковника²⁹. Народный календарь циклического счета времени здесь привязан к церковному календарю, начинавшемуся 1 сентября. Осень как сезон отсчитывалась с праздника Зачатия Иоанна Предтечи (23 сентября ст. ст.), зима — с Рождества Христова (25 декабря), весна — с Благовещения (25 марта), лето — с Рождества Иоанна Предтечи (24 июня): «Осень есть подобна жене старей, и богатой, и многочадней. Овогда дряхлюущи и сетующи, овагда же радующися и веселящися, рекше иногда скудость плодов земных, и глад человеком, а иногда веселящися, рекше ведрена и обилна плодом всем, и тиха, и безмятежна... Зима же подобна есть мачесе злей, и не устроиенси, и не жалостиве, яре и немилостиве... знобит, и голодом морит, и мучит грех ради наших... Весна убо нарицается, яко дева преукрашена красотою и добротою, и сияюще чюдно и преславно, яко всем дивити ся зрящим ея доброты, любима бо бе, бе и сладка всем. Родит бо ся в ней всяко животно, радости и веселия исполнена... Лето нарицается муж тих, богат и красен. Питая мнози человеки,

²⁷ Рукопись XVII в. РГБ. Рум. (Ф. 256). № 2. Л. 30 об.

²⁸ Макаковский А. О. Досократики. Ч. 1. (Доэллинистический период). Казань, 1914. С. XX.

²⁹ Рукопись XVII в. РНБ. Сол. №17/17. Л. 167–167 об.

смотря и пекия о своем дому и любя дело прилежно. Присно без лени вставая заутра и до вечера делая без покоя — таков есть муж лето».

В прелестных словесных миниатюрах проступает художественно осмысленное течение времени, даны запоминающиеся образы повторяющихся времен года, живо передана антропоморфная их характеристика, представлен поэтический народный календарь родной русской природы и установившегося крестьянского быта. Встречается также иное уподобление времен года возрастам человеческим, когда весне соответствует младенчество, лету — отрочество, осени — зрелый возраст, зиме — старость. Имеются и другие вариации на данную тему.

В целом народный календарь был близок повторяющимся природным циклам, «видимым приметам времен года»³⁰, отражал пантеистическое видение мира, характерное для языческого мифологического сознания, которое более всего запечатлелось в фольклоре, эпосе, обрядовой аграрной магии.

Кроме природного фактора для восприятия времени существенным являлся генеалогический, родовой, когда события прошлого и настоящего нанизывались на уходящую к праотцам нить предков, образующавших линию кровного родства, протянутую во времени. Это могли быть и архаические представления тотемного характера о предках-животных, и легендарные предания о родо-племенных вождях, и заимствованные из книжных источников сведения подобно многочисленным родословным из Библии (потомки Адама в Книге Бытия — V: 1—32; родословие сынов Ноя — X: 1—32; родословие Сима — XI: 10—32; родословие Христа в Евангелии от Матфея — I: 1—25).

С приходом христианства на Русь происходят важные изменения в понимании времени, связанные прежде всего с переносом акцента от природных, повторяющихся циклов на неповторимые социально-исторические события, драматически воспроизводившиеся в сознании людей Средневековья и отразившиеся во всем контексте культуры феодального периода, в разнообразии памятников искусства, литературы, зодчества.

Первостепенным источником в этом плане является «Повесть временных лет», в названии которой присутствует интересующая нас лексема. В ее тексте с первых строк обращает на себя внимание более широкий по сравнению с предшествовавшим родо-племенным исторический кругозор летописца. Набросав эпическую панораму мировой истории от времен Ноя до современных ему событий, летописец пытается осмыслить сам ход ее развития, вскрыть с позиций большой временной дистанции суть происшедшего и происходящего.

Он разделяет всемирно-исторический процесс на две не сравнимые по значимости части, противоположные как ночь и день, как мрак и свет, как заблуждение и правда. Рождение Христа означало наступление новой эры (что отразилось в действующем до сего дня календаре). Вся предшествовавшая, более чем пятитысячелетняя (согласно библейской традиции) история рассматривалась как введение к новой эре, как дохристианская предыстория собственно христианской истории, которая охватывает не только развитие общества, но все мироздание в целом.

Создается новый, более высокий тип темпорального мышления. Вместо незамкнутости истории и хаоса бесконечной борьбы сил природы вводится начало мира, подразумевающее его конец, устанавливается точка отсчета в виде дня творения, и весь мировой процесс приобретает стройный, организованный, целенаправленный характер — он развивается теперь согласно намеченному плану, установленному Создателем. Время вместо циклического становится векторным, необратимым, финалистическим. Начинают четко различаться прошлое, настоящее и будущее, причем делается акцент на грядущем Страшном суде, после которого последуют вечное блаженство для праведников и вечные муки для грешников.

³⁰ Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М., 1979. С. 205.

Важной упорядочивающей акцией было введение в сознание древнерусского человека категории «абсолютного времени». С выбором точки отсчета от «начала мира» эмпирическое многообразие различных местных летоисчислений заменяется единым «абсолютным временем», все мироздание послушно движется в намеченную Творцом сторону под мерный счет мирового хронометра. Данная акция носила важнейший системоорганизующий, мировоззренческий, богословский и философский смысл.

Сие событие зафиксировано в летописи под 852 г.: «В лѣто 6360, индикта 15 наченшо Михаилу црствовати, нача сѧ прозывати Руска землѧ. О сем бо увѣдахомъ, ꙗко при семь цри приходиша Русь на Црьгородъ, ꙗко же пишется в лѣтописаньи гречьстѣмъ. Тѣмже отселе почнем и числа положимъ...»³¹. Именно после этой записи ранее сплошной текст летописи заменяется упорядоченным по годам. Само «летописание» как описание событий по годам стало возможно после данной процедуры.

Чисто научным регистрационным принципом является вписывание в текст летописи «пустых дат», т. е. лет, в которые ничего знаменательного не произошло. Например, в Новгородской первой летописи с 1022 по 1027 год проставлены лишь слова: «В лѣто 6530. В лѣто 6531... В лѣто 6535». Иногда, как это видно из Галицко-Волынской летописи, писали: «В лѣто 6752. Не бысть ничтож». Сама хронология, особенно в наиболее документальном новгородском летописании, соблюдалась порою возможно более точно: «Въ то же лѣто, осень, мѣсяця октября въ 23, на святого Якова брата господня, въ пятничи, въ чяс 6 дни, опять приде Все[слав] къ Новугороду»³².

Хронология как знание о счете времени, умение производить операционные с ним исчисления, рассчитывать пасхалии, символически истолковывать числа, т. е. производить с ними разнообразные мыслительные и прикладные процедуры, существовала на Руси с незапамятных времен, зафиксирована же по письменным источникам с эпохи Киевской Руси. Интересным источником в этом отношении является «Учение, им же ведати человеку числа всех лет» Кирика Новгородца, автора XII в., обстоятельно изученное Р. А. Симоновым³³. Сложилась целая система литературных жанров (летописи, хронографы, временники) на основе использования категории времени.

Труд историка-летописца высоко оценивался как правдивое отображение имевших место событий или свидетельств о них, связанных временной координатой. Показательно в этом плане истолкование терминов «история» и «историк» в одном из списков Азбуковника. «История — свидетель всех веков или деяний, истинное описание прошлых речей... Историограф, или историк. Толк: поведатель деаний, бывших в первых родех и временех»³⁴.

Но вернемся к «Повести временных лет». Наряду с идеальным «абсолютным временем» в ней употребляется и традиционное «эмпирическое время». Например, о походе Аскольда и Дира на Царьград под 866 г. пишется, что он произошел на 14-м году царствования уже упоминавшегося византийского императора Михаила III: «В лѣто 6374. Иде Аскольдъ и Диръ на греки, и приде въ 14 лѣто Михаила царя»³⁵. Эта разновидность счета времени атрибутируется как «династическая». Она используется с древности вплоть до нашего времени.

Кроме того, в рамках многих фрагментов, имеющих законченное повествование, применялось характерное для литературных произведений локальное «художественное время». По ряду погодных записей прослеживается биография княгини Ольги, вся жизнь ее проходит на нескольких листах текста, оформившись затем в посвященное первой русской святой житие³⁶.

³¹ Повесть временных лет. Ч. 1. М.; Л., 1950. С. 17.

³² Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950. С. 17.

³³ Симонов Р. А. Кирик Новгородец — ученый XII века. М., 1980. С. 356.

³⁴ Рукопись нач. XVIII в. РНБ. Сол. №20/20. Л. 47—47 об.

³⁵ ПВЛ. Ч. I. С. 19.

³⁶ Серебрянский Н. Древнерусские княжеские жития. (Обзор редакций и тексты) М., 1915. С. 6—13.

Память о ней осталась в нашей истории, ибо «праведники в веки живут». Под 986 г. помещена в летописи «Речь философа», убеждавшего князя Владимира принять христианство по греческому обряду³⁷. В ней изложена сжато вся мировая история от сотворения мира до грядущего Страшного суда, время спрессовано в энергичный эсхатологический вектор.

Употребление нескольких временных систем, соединенное с многостилевым изложением, придает летописи мощное полифоническое звучание, сближающее ее с эпосом древних и уподобляющее «Повесть» грандиозному средневековому собору вроде Софии Киевской, которая, в свою очередь, воспринимается как своеобразная «летопись в камне».

Воздвигнутая Ярославом Мудрым в подражание византийской Софии Константинопольской, древнерусская София Киевская подобно другим софийским храмам на Руси воспринималась как палладиум, святилище, сакральный центр, «дом Премудрости», соединяющий вечное и преходящее, духовное и материальное, общечеловеческое и самобытное. «Мы вправе рассматривать храм Софии в Киеве как своеобразную философскую концепцию, изложенную языком условных архитектурно-исторических символов»³⁸.

Перейдем к анализу источников невербальных — творений архитектуры и искусства. В рамках комплексного источниковедения, или интеграционного рассмотрения источников, они (равно как данные археологии, этнографии) обстоятельно исследуются историками, искусствоведами, культурологами. Вполне уместен, правомерен и необходим философский анализ подобного типа, в том числе рассмотрение проблемы времени на всем разнообразии памятников культуры в едином ее контексте.

Уникальную информацию дает в этом отношении архитектура. Она, по мнению Э. Роджерса, «есть закрепление времени-эпохи в пространстве», ибо «преобразует преходящее в вечное»³⁹. В отличие от памятников литературы и искусства, которые можно убрать в архивы и запасы, давать им превратное толкование или вовсе замалчивать их, творения зодчества невозможно убрать с улиц и площадей (хотя есть немало примеров их разрушения и искажения) и дать им ложную оценку (хотя и здесь имеются прецеденты). Но все же, при учете побочных обстоятельств, памятники архитектуры несут в себе наиболее «чистые, не фальсифицированные тенденции времени»⁴⁰.

Визуальный язык архитектуры позволяет ей создавать наиболее впечатляющие образы эпохи. Можно не читать русских летописей, не знать посланий старца Филофея, слабо разбираться в иконописи, но нельзя не почувствовать державного величия Московского Кремля, сильнее всех других источников воплотившего одну из ведущих концепций отечественной государственности — доктрину «Москва — Третий Рим».

Высокого художественного уровня достигает древнерусское темпоральное мышление в живописи. Фресковые росписи, покрывающие сплошным ковром внутреннюю поверхность стен храма, его столпы и своды, располагались не случайно и бессистемно, а в строгой иерархической соподчиненности. В алтарной апсиде, в куполе, на барабане изображались сцены, сюжеты и персонажи, носящие вневременной вечный характер: Саваоф, Пантократор, Богородица, ангельские силы. Вторая зона росписей, содержавшая изображения двенадцатых праздников и эпизодов из земной жизни Христа, представляла «своего рода монументальный календарь»⁴¹. Расположенная еще ниже третья зона включала образы святых, апостолов, праведников, лучших представителей рода людского, бывших одновременно и духовными патронами стоящих в храме и благоговейно взирающих прихожан, сильно и каждодневно воздействуя на них.

³⁷ Громов М. Н. «Речь философа» из древнерусской летописи «Повесть временных лет» // Философские науки. 1976. № 3. С. 97–107.

³⁸ Тиц А. А., Воробьева Е. В. Пластический язык архитектуры. М., 1986. С. 85–86.

³⁹ Мастера архитектуры об архитектуре. Зарубежная архитектура. Конец XIX–XX вв. М., 1972. С. 2.

⁴⁰ Гидион Э. Пространство, время, архитектура / Пер. с нем. М., 1973. С. 39.

⁴¹ Лихачева В. Д., Лихачев Д. С. Художественное наследие древней Руси и современность. Л., 1971. С. 11.

Великолепны фрески Дионисия в соборе Рождества Богородицы Ферапонтова монастыря. В одной из композиций, называемой «О тебе радуется», весь род людской, жившие в разное время праведники возносят хвалу Богородице с предвечным младенцем на руках, сидящей на царственном троне, фоном которому служит круг «славы», несомый ангелами и символически отражающий вечный, непреходящий, космический характер изображенной сцены. Впечатляющая фреска «Страшного суда» на западной стене интерьера одноименного храма Снетогорского монастыря под Псковом⁴².

«Иконографически изображение “Страшного суда” строилось как последняя живая картина исторического действия, навеки остановленного, как “конец века”»⁴³. Свиток небес свертывается ангелами, не будет ни дня, ни ночи, ни месяца, ни года, наступит черед «всеобъемлющей светлости неизменяющейся вечности», по словам Августина Блаженного. Кончается не только астрономическое время, но и время человеческой истории; четыре апокалиптических зверя, заключенные в круг, воплощают четыре прошедших земных царства. Прошлое, настоящее и будущее изображены совместно, они неразрывно связаны сверхвременной координатой вечности.

В отличие от фресок и мозаик икона и книжные миниатюры располагались не на сложном, порою криволинейном пространстве, а на ровной плоскости, очерченной чаще всего прямоугольными линиями. Нося более камерный характер, они еще концентрированнее изображали те же сюжеты, в том числе «Страшный суд»; при этом ограниченное пространство плоскости иконы представляло как бы созданный средствами живописи экран, «своеобразный зрительный аналог вечности»⁴⁴, на которой спроецированы моменты человеческой истории, деяния отдельных людей, сцены христианских праздников.

На иконе XVII в. из собрания художника П. Корина «Воскресение — Сошествие во ад» черной бездне ада противостоит светлое сияние «рая освященного», этих двух антиподов внутри вечности. К ногам Христа склонились Адам и Ева, праведники направляются к «небесному граду Иерусалиму». В сложной композиции представлены отдельные сцены «Распятия», «Снятия с креста», «Положения во гроб». Под голгофским крестом часто изображали (есть и скульптурные, объемные композиции) череп Адама, на который пролилась кровь казненного Христа⁴⁵. Как писалось в Азбуковнике: «Адам крещен бе кровию Господа нашего Иисуса Христа на горе, где Господь наш Иисус Христос распятся»⁴⁶. Так сомкнулся один из кругов истории, время евангельское осватило время бытия первого человека.

Более просты по композиции житийные иконы, в среднике которых представлена, как правило, фигура святого в рост, а по периметру в читаемых и рассматриваемых слева направо и сверху вниз (как на листе рукописи) клеймах — главные сцены из жизни подвижника, начиная с рождения и кончая погребением, посмертными чудесами, сценами почитания. Каждое клеймо при этом может иметь свой сюжетный характер, как, например, сцена с изображением беседы преподобного Сергия Радонежского и святителя Алексия на иконе с житием последнего, которая принадлежит кисти Дионисия⁴⁷.

На иконе перед лицом вечности раскрывается смысл временного земного бытия святого. Взором охватывается и вся его жизнь, итогом которой стал подвиг благочестия, и отдельные фрагменты детства, юности, зрелости, старости. Можно проследить житие святого от начала до конца, можно возвратиться к ранним эпизодам, несколько раз сосредоточиться на важнейших

⁴² Лазарев В. Н. Русская средневековая живопись. М., 1970. С. 167–173.

⁴³ Данилова И. Е. О категории времени в живописи средних веков и Раннего Возрождения // Из истории культуры средних веков и Возрождения. М., 1976. С. 160.

⁴⁴ Там же. С. 161.

⁴⁵ Антонова В. А. Древнерусское искусство в собрании Павла Корина. М., 1966. С. 127–128.

⁴⁶ Рукопись XVII в. РГБ. Ф. 228. № 197. Л. 178 об.

⁴⁷ Древнерусская живопись в собрании Государственной Третьяковской галереи. М., 1963. Табл. 53–54.

из них, остановиться на последнем, двигаться взором и мыслью в любой последовательности — гибкость передачи художественного времени иконы позволяет созерцать ее самым разнообразным способом, все более углубляясь в религиозное, нравственное, назидательное, философское содержание. Этот безмолвный диалог с иконой может длиться бесконечно, и смысл ее никогда не будет исчерпан.

Глубина, неисчерпаемость, притягательная сила древнерусской живописи объясняются не только прекрасным колоритом, совершенной композицией, тонкостью линий, но прежде всего духовной содержательностью этого «умозрения в красках» (Е. Трубецкой), обращенностью в нем к самым сокровенным сторонам человеческого сознания, стремлением повернуть человека лицом к вечности, на золотом фоне которой и в соотношении с которой обретает подлинный смысл наше быстротекущее земное бытие.

Категория **вечности** — центральное, основополагающее, субстанциональное понятие всех представлений о времени в Средние века. Она есть атрибут вечного Бога, проявление Его бесконечности и необъятности. В композициях «Отечество» и «Спас в силах» Бог Отец и другие ипостаси Троицы помещаются на фоне концентрических кругов небесных сфер, символизирующих бесконечность и вечность мироздания.

Не только в иконах и фресках, но и в «живописи иглой» — произведениях древнерусского шитья (покровы, воздухи, пелены) — проступают те же мотивы. Так, на «голубой плащанице» XV в. из Троице-Сергиевой лавры сцена «Положения во гроб» изображает тело простертого Христа с окружающими Его ангелами и херувимами на синем фоне бездны космоса с сияющими золотом звездами, солнцем и луной в виде цариц, с символами евангелистов по углам⁴⁸. Сама композиция не заземлена, а как бы парит на фоне звездного неба.

В одной работе невозможно вскрыть все аспекты восприятия времени в Древней Руси, эта тема заслуживает обстоятельного монографического исследования. Остались вне рассмотрения многие источники, в которых содержатся понятия, образы, концепции, сюжеты, интерпретации, отражающие темпоральное мышление допетровского периода: сказания о «скончании седьмой тысячи лет» и «семитысячники»⁴⁹; изображения космоса в виде ветхого старца на композиции «Сошествие Святого Духа на апостолов»⁵⁰; представления об «имарении» (от греческого εἰμαρμένη — рок, судьба), «фатуме», «фортуне», «счастном колесе»⁵¹; поучение Нила Синаита о собирании ума и памяти смертной⁵²; мысль о жизни и смерти как двух «зеркала», глядя в которые человек познает себя⁵³; фрагмент из «Физиолога» об обновлении орла и человека⁵⁴; глава 11-я из Устава преподобного Нила Сорского «О еще не прежде времени и подобными мерами сиа деланна подобает творити»⁵⁵; натурфилософские идеи о творении мира в «Луцидариусе»⁵⁶; концепция о трояком рождении человека: телесном, при крещении и будущем воскресении из мертвых⁵⁷; философско-медитативные размышления о быстротечности времени в поэзии Димитрия Кантакузина⁵⁸ и Евфимия Чудовского⁵⁹;

⁴⁸ Маясова Н. А. Древнерусское шитье. М., 1971. Табл. 2.

⁴⁹ Естественнаучные представления Древней Руси. М., 1988.

⁵⁰ Рукопись XVII в. РГБ. Ф. 299. № 445. Л. 119 об.

⁵¹ Сочинения преподобного Максима Грека. Казань, 1859. Т. I. С. 371. См. также: Ковтун Л. С. Планида — фортуна — счастное колесо (к истории русской идиоматики) // ТОДРЛ. Л., 1969. Т. XXIV. С. 327–330.

⁵² Рукопись сер. XVI в. ЦНБ (Киев). Почаев. № 47 (116). Л. 58.

⁵³ Диоптра. Пер. с лат. Кутеин. 1654. Л. 151.

⁵⁴ Карнеев А. Материалы и заметки к литературной истории Физиолога. СПб., 1890. С. 186–197.

⁵⁵ Нила Сорского Предание и Устав. Со вступ. ст. М. С. Боровковой-Майковой // Памятники древнерусской письменности и искусства. СПб., 1912. Т. СХХIX.

⁵⁶ Рукопись XVII в. НБ МГУ. № 2Дб 56. Л. 165–179.

⁵⁷ Рукопись XVII в. РНБ. Сол. № 18/18. Л. 149 об.

⁵⁸ Бегунов Ю. К. Кирилло-Новоезерский список поэтического произведения Димитрия Кантакузина // Paleobulgarica. Старобългаристика. XI. 1987. № 2.

⁵⁹ Сазонова Л. П. Поэтическое творчество Евфимия Чудовского // Slavia. 1987. Roč. 56. Ses. 3.

идея о преимуществе вечных благ перед мирской суетой, традиционная для средневекового сознания⁶⁰; представление о «книгах небесных», несущих непреходящую мудрость как отблеск вечности⁶¹.

В целом можно сказать, что представления о времени в Древней Руси характеризуются сложным, многосоставным, разноуровневым характером. Они включают в себя архаические (мифологическое, натуралистическое, родовое время) и собственно средневековые элементы (иерархическое, историческое, сакральное время). Темпоральное мышление реализовывалось в методах, близких научному (хронология, летописание), художественному (в произведениях литературы и искусства) и символическому (литургия, храмовое действо). Литургическая интерпретация времени имела при этом сотериологическое значение⁶². Главной же доминантой была субстанциональная идея вечности, без приобщения к которой не может быть гармонизирован ни микрокосм отдельного человека, ни макрокосм культуры его обитания⁶³. Этой же цели служило древнерусское искусство, ибо главной задачей художника было «показать красоту и торжество “вечной”, духовной сущности человека, очищенной от повседневных бытовых мелочей»⁶⁴, как справедливо высказывался Владимир Владимирович Кусков, светлой памяти которого посвящена данная статья.

⁶⁰ Климент Охридски. Събрани съчинения. София, 1973. Т. 3.

⁶¹ Беляев М. В. Книги небесные (Апокрифические видения и «закон первообразов») // Изв. Бакинского гос. ун-та. № 1. Второй полутом. 1921.

⁶² Каченко А. А. Время литургическое // Православная энциклопедия. М., 2005. Т. IX. С. 522–523.

⁶³ Прохоров Г. М. Крестообразность времени, или Пушкинский Дом и около. СПб., 2002.

⁶⁴ Кусков В. В. История древнерусского искусства. Избранные труды. М., 2003. С. 30.

